

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

СЕВЕРНАЯ
АКАДЕМИЯ
ДРАКОНОВ

СОСЛАННАЯ
В АКАДЕМИЮ
ДРАКОНОВ

НАСТАВНИЦА НАСЛЕДНИКОВ

Лилия Тимолаева

Сосланная в академию драконов. Наставница наследников

<https://litres.ru/74220864>

Аннотация

Лиана очнулась в чужом теле прямо на суде Драконьего Совета. Её обвиняют в преступлении, которого она не помнит, жених отрекается от неё при всех, а вместо казни отправляют туда, откуда наставницы редко возвращаются, — в Северную Академию драконов.

Здесь живут дети знатных родов, которых называют проклятыми. Их боятся собственные семьи, от них отказываются, их силу прячут за запретами и печатями. Но Лиана всё быстрее понимает: эти дети не чудовища. Кто-то сделал их такими намеренно.

Холодный ректор Даррен Вейр запрещает ей вмешиваться. Бывший жених скрывает страшную тайну. Совет требует молчания.

Но Лиана уже сделала выбор: если её сослали к тем, кого никто не защищает, значит, она станет для них той, кто не отступит.

Содержание

Глава 1. Ссылка вместо казни	4
Глава 2. Академия, где не ждут живых	24
Глава 3. Девочка с чёрными крыльями	54
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1. Ссылка вместо казни

— Лиана Ровель, вы признаёте, что сорвали обряд пробуждения наследников?

Она открыла глаза на чужой голос, чужой холод и чужую боль.

Боль была первой, что показалось настоящим. Не зал, не высокий свод из чёрного камня, не длинный стол, за которым сидели мужчины и женщины в тёмных мантиях с золотыми драконьими застёжками, не серебряные цепи на её запястьях. Всё это могло быть сном, горячечным бредом, чужой постановкой, чем угодно.

Но металл на коже жёг по-настоящему.

Лиана дёрнулась и тут же поняла, что не знает собственного тела.

Пальцы были тоньше, чем должны были быть. Волосы, упавшие на щёку, оказались густыми, тёмно-каштановыми, почти чёрными, хотя в её памяти — той, прежней, настоящей — они были совсем другими. Платье сдавливало грудь высоким воротом. На ладонях виднелись бледные линии, похожие на следы от магических клятв.

Магических.

Это слово возникло в голове так естественно, что Лиана едва не задохнулась.

Перед ней мерцал круг на полу. Внутри круга стояла она.

Снаружи — Совет.

И все смотрели так, будто она уже умерла, просто ещё не успела упасть.

— Я задал вопрос, — произнёс седой дракон в центре стола.

Не человек. Именно дракон.

Лиана поняла это не по крыльям — их не было, — а по глазам. Узкие, золотистые, с вертикальным зрачком. Такие глаза не принадлежали людям. В них было слишком много холода и слишком мало сомнений.

Она сглотнула, пытаясь ухватиться за хоть что-то в голове. Имя. Место. Причину.

Лиана Ровель.

Имя отозвалось тупой болью у виска. За ним пришли обрывки чужой памяти: зал Совета, белое платье наставницы, клятва перед родами, детские голоса, круг пробуждения, вспышка чёрного пламени. Крик. Камень под щекой. Чья-то рука, оттолкнувшая её от середины круга.

А потом — пустота.

Она не знала, как оказалась здесь.

Она не знала, почему живёт в чужой судьбе.

Но очень быстро поняла главное: если сейчас сказать это вслух, её не спасут. Её признают безумной.

— Повторяю, — седой дракон положил ладонь на раскрытый свиток. — Вы признаёте вину?

В зале стало тише.

Тишина давила сильнее цепей. В ней слышалось всё: как кто-то усмехнулся у правой колонны, как перо скользнуло по пергаменту, как за спиной шепнули: «Позор рода Ровель». И как где-то рядом, совсем близко, медленно выдохнул мужчина.

Лиана повернула голову.

Он стоял не за столом Совета, а чуть в стороне, словно был выше этих правил, выше обвинений, выше неё. Высокий, темноволосый, в строгом чёрном камзоле с серебряным гербом на груди. Красивый настолько, что эта красота казалась почти жестокой. Холодные серые глаза смотрели на неё без тревоги, без жалости и без того, что могло бы удержать женщину на краю пропасти.

Каэл Арден.

Имя ударило из чужой памяти, и Лиана невольно сжала пальцы.

Бывший жених.

Нет. Ещё утром — жених. Защитник. Будущий муж. Человек, чьё имя должно было закрыть её от любого обвинения.

Теперь он стоял молча.

— Лорд Арден, — произнёс кто-то из Совета, заметив её взгляд. — Вы желаете подтвердить своё прошение?

Каэл не сразу ответил. Его взгляд на мгновение опустился на серебряные цепи у неё на запястьях, потом снова поднялся к лицу.

— Да.

Одно слово.

Только одно.

Но в зале оно прозвучало громче приговора.

Лиана почувствовала, как внутри чужого тела что-то обрывалось. Не её чувство. Не её любовь. Остаток прежней Лианы, той, настоящей хозяйки этого тела, видимо, всё ещё жил где-то в глубине памяти — и сейчас умирал второй раз.

— Я, Каэл Арден, отзываю брачное поручительство рода Арденов, — сказал он ровно. — Лиана Ровель более не находится под моей защитой. Её поступки не связаны с моей волей, моим домом и моим именем.

Шёпот прокатился по залу, как ветер по сухим листьям.

Лиана смотрела на него и вдруг поняла, что страх отступает. Не исчезает, нет. Просто становится меньше злости.

Он отрёкся от неё при всех.

Даже если она была не той женщиной, которую он знал. Даже если не помнила всех их разговоров, всех обещаний, всех прикосновений. Внутри всё равно поднялась такая горькая ясность, что она почти выпрямилась под тяжестью цепей.

— Удобно, — сказала она.

Слово сорвалось прежде, чем она успела подумать.

Несколько членов Совета подняли головы. Каэл чуть заметно сузил глаза.

— Что вы сказали? — спросил седой дракон.

Голос Лианы оказался ниже, чем она ожидала. Хриплый после обморока, но не слабый.

— Я сказала: удобно. Когда женщину можно сначала поставить в круг ответственности, потом бросить в круг обвинений, а после отозвать защиту, будто подпись на испорченном договоре.

В зале стало совсем тихо.

Кто-то сзади резко втянул воздух. Писарь перестал писать. На губах Каэла не дрогнул ни один мускул, но взгляд изменился. В нём мелькнуло нечто острое, опасное. Будто он впервые за время заседания увидел перед собой не сломанную невесту, а живого человека.

— Осторожнее, леди Ровель, — произнесла женщина у левого края стола. Её волосы были белыми, а пальцы украшали кольца с маленькими драконьими печатями. — Ваше положение не располагает к дерзости.

— Моё положение, — Лиана медленно подняла связанные руки, и цепи тихо звякнули, — уже достаточно ясно объяснили. Дерзость здесь ни при чём.

Седой дракон постучал костяным жезлом по столу.

— Совет не будет превращать заседание в представление. Лиана Ровель, вы были назначены младшей наставницей на обряде пробуждения наследников пяти драконьих родов. После вашего вмешательства круг был разрушен, трое детей потеряли контроль над силой, один родовой знак погас, а наследница дома Мор до сих пор не может принять

драконью форму.

Наследница дома Мор.

В памяти вспыхнуло лицо девочки: тонкое, испуганное, с тёмными ресницами и упрямо сжатыми губами. Она стояла в круге босиком. На её плечах дрожали призрачные крылья, ещё не ставшие настоящими. А потом над её головой вспыхнул чужой знак — не родовой, не детский, не живой.

Лиана поморщилась.

Это было важно.

Она не знала почему, но было.

— Я вмешалась? — спросила она.

— Вы отрицаете?

Она медленно вдохнула. Нельзя говорить лишнего. Нельзя показывать, что память дырявая, как прожжённая ткань. Нельзя позволить им увидеть растерянность.

— Я спрашиваю, что именно вы называете вмешательством.

Седой дракон слегка прищурился. Женщина с кольцами шевельнула пальцами, и один из свитков развернулся сам, показывая залу строчки, написанные красноватыми чернилами.

— Вы покинули место младшей наставницы и вошли в центр круга без разрешения старшего распорядителя. Вы нарушили рисунок клятвы. Вы произнесли запрещённую фразу.

— Какую?

Пауза вышла слишком резкой.

Советники переглянулись.

Каэл смотрел на неё уже не холодно, а внимательно. Лиана заметила это и поняла: он тоже услышал несостыковку. Или знал о ней раньше.

— Фраза не подлежит повторению, — сказала беловолосая женщина.

— Тогда откуда вы знаете, что я её произнесла?

Ещё одна пауза.

На этот раз длиннее.

Лиана не планировала спорить. Не была уверена, что проживёт достаточно долго, если продолжит. Но чужая память, перепуганная и рваная, подбрасывала обрывки: она не входила первой. Она бежала за кем-то. Рука на её плече. Толчок. Шёпот над самым ухом.

«Поздно, Лиана. Теперь виновной будешь ты».

Она не знала, чей это был голос.

Но знала, что не придумала его.

Седой дракон поднялся. Его тень легла через стол и дотянулась почти до круга, где стояла Лиана.

— Довольно. Совет рассмотрел показания свидетелей, следы на круге пробуждения и заключение старшего распорядителя. Ваша вина признана установленной.

— Каких свидетелей? — спросила она.

— Леди Ровель.

— Кто видел, что я произнесла эту фразу?

Белые пальцы женщины с кольцами сжались на подлокотнике.

— Вы забываетесь.

— Нет, — тихо сказала Лиана. — Кажется, как раз вспоминаю.

И это было неправдой.

Она не вспоминала. Не по-настоящему. Она только складывала куски, как черепки разбитой чаши, и понимала: чашу разбили не случайно.

В зале что-то изменилось. Раньше на неё смотрели с презрением. Теперь — с раздражением. И с осторожностью.

Это было лучше.

Жертву добивают быстро. Опасного свидетеля сначала пытаются заткнуть.

Каэл сделал шаг вперёд.

— Лиана.

Её имя в его голосе прозвучало почти по-прежнему. В чужой памяти от этого голоса когда-то теплело в груди. Сейчас же он только добавил холода.

— Не надо, — сказал он негромко. — Ты ухудшаешь своё положение.

Она повернулась к нему.

— Моё положение ухудшилось в тот момент, когда ты отозвал защиту.

— Я не мог поступить иначе.

— Конечно.

— Ты не понимаешь, что произошло.

Лиана усмехнулась. Не весело. Сухо.

— Впервые за всё утро я с тобой согласна.

В глазах Каэла мелькнуло что-то похожее на гнев. Или боль. Но если боль и была, он тут же спрятал её за привычным ледяным выражением.

— Наследники могли погибнуть.

— Но не погибли.

— Это не оправдание.

— Я и не оправдываюсь. Я спрашиваю.

Она сама удивилась своей смелости. Внутри всё тряслось. Чужие колени едва держали. Цепи на запястьях казались всё тяжелее, а зал — всё темнее. Но стоило ей представить, как она опустит голову, попросит милости, даст им завершить этот спектакль без единой помехи, — стало хуже.

Нет.

С ней уже случилось невозможное. Она очнулась в чужом мире, в чужой жизни, на чужом суде. Но если эта жизнь теперь её, то хотя бы падать она будет с открытыми глазами.

— Совет услышал достаточно, — произнёс седой дракон.

— Согласно древнему праву, повреждение круга пробуждения наследников карается смертью имени.

Смертью имени.

Лиана не знала, что это значит, но чужое тело отреагировало мгновенно: дыхание сорвалось, пальцы похолодели, перед глазами на миг поплыли чёрные точки.

Каэл резко поднял голову.

— Совет обещал рассмотреть замену наказания.

— Совет рассмотрел, лорд Арден.

— Я ходатайствовал о закрытом изгнании.

— Вы отозвали защиту. Ваше ходатайство потеряло силу.

Впервые за всё заседание Каэл побледнел.

Не сильно. Почти незаметно. Но Лиана увидела.

Значит, отречение не должно было закончиться так.

Значит, он тоже играл в какую-то игру. Только не предупредил её, не защитил, не оставил даже права понять правила.

Седой дракон опустил взгляд на свиток.

— Лиана Ровель лишается права наставничества при родовых обрядах. Лиана Ровель лишается покровительства Совета. Лиана Ровель лишается права вступать в брачный договор с драконьими домами до полного очищения имени.

С каждым словом в воздухе вспыхивал серебряный знак и таял, осыпаясь холодными искрами на пол.

Цепи на запястьях становились легче, но от этого не становилось свободнее.

— Однако, — продолжил он, и зал будто подался вперёд, — учитывая, что наследники выжили, а следствие не обнаружило прямого умысла на уничтожение родовой линии, смертная мера имени заменяется ссылкой.

Кто-то тихо ахнул.

Белая женщина с кольцами недовольно повернула голову.

Каэл замер.

Лиана насторожилась.

Ссылка прозвучала почти как милость. Но по лицам в зале она поняла: милостью здесь даже не пахло.

— Северная Академия драконов, — сказал седой дракон.

Шёпот ударил сразу с нескольких сторон.

— Туда?

— К проклятым?

— Она не выдержит и недели.

— Лучше бы имя отняли.

Лиана медленно перевела взгляд с одного лица на другое.

Северная Академия драконов.

В памяти прежней Лианы поднялся страх. Не личный, не пережитый — чужие рассказы, обрывки фраз, предупреждения наставников. Каменные башни за северным хребтом. Закрытые ворота. Дети, которых роды больше не показывали при дворе. Наследники с повреждённой силой. Те, чьи крылья просыпались неправильно. Те, кто ломал клятвы, не желая этого. Те, кого называли проклятыми шёпотом, но отправляли туда официальными экипажами.

Академия, откуда наставницы возвращались седыми.

Если возвращались.

— Вы отправляете меня к детям, которых боится даже Совет? — спросила Лиана.

Седой дракон холодно посмотрел на неё.

— Вы так настойчиво требуете доказательств своей неви-

новности. Там у вас будет время подумать о цене ошибок.

— Или исчезнуть без лишних вопросов?

На этот раз Каэл сделал шаг уже резко.

— Лиана, замолчи.

Она усмехнулась второй раз. Горло саднило, руки дрожали, но голос всё ещё держался.

— Ты уже отказался от права говорить мне, что делать.

В зале кто-то не удержался от короткого смешка. Его тут же оборвали шипением.

Каэл приблизился к краю круга, но не вошёл. Между ними мерцала тонкая серебряная граница. Он мог бы пересечь её? Не знал? Не хотел? Лиана не понимала, но заметила, как его пальцы сжались в кулак.

— Ты не представляешь, что такое Северная Академия.

— Зато все здесь очень стараются мне это показать.

— Там не прощают слабости.

— Значит, мне повезло, что я больше не обязана казаться удобной.

Его взгляд стал совсем тёмным.

— Ты думаешь, дерзость спасёт тебя?

— Нет. Но молчание уже не спасло.

Эти слова задели его. Она увидела, как резко напряглась линия его скул.

Беловолосая женщина поднялась.

— Совет не обязан терпеть оскорбления от осуждённой.

— Я не оскорбляла Совет, — сказала Лиана. — Я только

спросила, кто видел то, за что меня судят. На этот вопрос мне так и не ответили.

Седой дракон посмотрел на неё долго, очень долго. Потом перевёл взгляд на писаря.

— Запишите: осуждённая направляется в Северную Академию драконов на должность низшей наставницы без права покидать территорию до особого распоряжения Совета.

Перо снова заскользило по пергаменту.

Низшая наставница.

Лиана слышала в этом не должность, а ошейник.

— Её имя остаётся при ней, — добавил Каэл внезапно.

Все повернулись к нему.

— Лорд Арден, — голос седого стал опасно ровным, — вы уже высказались.

— Я отозвал брачное поручительство, но не свидетельствовал против её имени.

— Это не имеет значения.

— Имеет. По праву древних родов, если обвиняемый не лишён имени, он сохраняет право на личные вещи, переписку и доступ к документам, касающимся назначения.

Беловолосая женщина прищурилась.

— Вы слишком хорошо помните право для человека, который только что отказался от этой женщины.

Каэл не посмотрел на неё. Его взгляд оставался на Лиане.

— Я помню право для всех, кто стоит перед Советом.

Ложь.

Лиана не знала почему, но была уверена: сейчас он делал это не ради всех. И, возможно, даже не ради неё. Каэл Арден пытался сохранить за ней что-то. Крупицу свободы. Нить, за которую потом можно будет потянуть.

Поздно.

Хотя... нет. Не совсем.

Если ей оставят документы, она сможет узнать больше.

Седой дракон раздражённо повёл плечом.

— Запишите. Имя остаётся. Личные вещи передать. Документы назначения выдать под печатью. Выезд — сегодня до заката.

Сегодня.

Лиана не успела даже понять, в каком мире находится, а её уже отправляли на север к проклятым наследникам.

Цепи на её руках раскрылись сами. Серебряные звенья упали на пол с тихим стуком. На коже остались бледные следы, будто её держали не металлом, а морозом.

Два стража подошли к кругу. Оба высокие, широкоплечие, в чёрных плащах. На висках у них мерцали едва заметные чешуйчатые тени. Лиана заставила себя не отступить.

— Осуждённую вывести, — приказал седой.

Она сделала шаг, но остановилась.

Все решили, что она сейчас попросит милости. Это было видно по лицам. Некоторые даже заранее скучали.

Лиана повернулась к столу Совета.

— Я хочу получить копию обвинения.

Седой дракон нахмурился.

— Зачем?

— Чтобы знать, за что именно меня отправляют умирать.

Шёпот снова прошёл по залу, но теперь в нём было меньше презрения. Больше досады.

— Формулировки вам огласили.

— Устные формулировки легко забываются. А я, как вы заметили, женщина с ошибками.

Каэл едва заметно опустил ресницы. Почти улыбка? Нет. Слишком быстро исчезло.

Беловолосая женщина ударила ладонью по столу.

— Наглость не делает вас невиновной.

— А страх перед копией обвинения не делает Совет правым.

Тишина стала ледяной.

Лиана поняла, что перегнула. Но отступить было поздно.

Седой дракон медленно сел обратно.

— Выдать копию. Пусть читает по дороге. Возможно, хотя бы буквы удержат её от новых речей.

Несколько советников засмеялись негромко.

Лиана не ответила.

Стражи вывели её из круга.

Когда она проходила мимо Каэла, он вдруг наклонился чуть ближе. Настолько, что это могло показаться случайностью. Его голос был почти неслышным.

— В Академии никому не доверяй. Особенно тем, кто

встретит тебя слишком любезно.

Лиана остановилась на половине шага.

— А тебе?

Он посмотрел на неё в упор.

— Мне ты уже не доверяешь.

— Наконец-то ты сказал правду.

Страж дёрнул её за локоть, и она пошла дальше, не оборачиваясь.

За дверями зала воздух оказался холоднее, но дышать стало легче. Длинный коридор Совета тянулся вперёд, как горло каменного чудовища. На стенах висели барельефы драконов: одни расправляли крылья, другие сжимали в когтях короны, третьи склонялись над детьми с горящими ладонями.

Дети.

Проклятые наследники.

Лиана шла между стражами и пыталась не думать о том, что в её прежней жизни не было ни Совета, ни драконов, ни магических кругов. Там были обычные улицы, обычные люди, обычные страхи. И ни один из них не готовил её к тому, что однажды она проснётся осуждённой женщиной в мире, где чужая подпись может отправить тебя в место хуже казни.

Но паника была роскошью.

Сейчас ей нужны были факты.

Её провели в малую комнату без окон. Там стоял стол, высокий шкаф и зеркало в потемневшей раме. У двери остал-

ся один страж, второй вышел и вскоре вернулся с кожаной папкой, дорожным плащом и небольшим ларцом.

— Ваши вещи, леди Ровель, — сказал он без особого уважения.

Лиана почти потянулась к ларцу, но замерла, увидев своё отражение.

Женщина в зеркале была красивой. Не мягкой — тонкой, напряжённой, с лицом, которое легко могло показаться гордым. Тёмные глаза, бледная кожа, губы, искусанные почти до крови. На шее — след от сорванной клятвенной ленты. На виске — тонкая серебристая прядь, которой, кажется, не должно было быть.

Лиана Ровель.

Чужая женщина.

Теперь — она.

От этой мысли стало так жутко, что она крепче сжала край стола.

— Вам плохо? — спросил страж.

В его голосе не было заботы. Только тревога человека, которому не хотелось отвечать за осуждённую раньше срока.

— Нет.

Лиана отвернулась от зеркала и открыла папку.

Первым лежал свиток с обвинением. Слова прыгали перед глазами, но она заставила себя читать медленно.

«Самовольное вмешательство в обряд пробуждения наследников... нарушение линии клятвенного круга... про-

изнесение неустановленной фразы... повреждение родовых знаков... угроза будущему пяти драконьих домов...»

Неустановленной.

Она задержала взгляд на этом слове.

Не запрещённой. Не опасной. Не указанной.

Неустановленной.

Значит, они действительно не знали, что она сказала. Или не хотели писать.

Лиана перелистнула дальше.

К документу была прикреплена схема круга. Пять детских знаков по краям. Один центральный знак наставника. Линии, соединяющие их, были прочерчены чётко, но у одной из них чернила расплылись, словно пергамент коснулся воды.

Нет. Не воды.

Лиана наклонилась ближе.

Чернила были соскоблены.

Кто-то изменил схему уже после составления.

Пальцы похолодели.

— Это все документы? — спросила она.

— Что выдали, то и есть.

— Здесь должен быть лист назначения.

Страж поморщился, но сунул ей ещё один сложенный пергамент.

— Северная Академия драконов. Должность низшей наставницы. Подчинение ректору. Без права самовольного выхода за внешний круг. Срок — до распоряжения Совета.

— Кто ректор?

— Даррен Вейр.

Имя не отозвалось памятью. Зато страж отвёл взгляд.

Лиана заметила.

— Что с ним не так?

— С ним? — мужчина коротко усмехнулся. — Ничего.

Поэтому он до сих пор живёт там, где другие ломаются.

Ответ был так себе. Но полезный.

Даррен Вейр. Ректор Северной Академии. Опасный, если даже стражи Совета говорят о нём неохотно.

Лиана хотела закрыть папку, когда из неё выскользнул ещё один лист. Тонкий, почти прозрачный. Не обвинение и не назначение. Список.

На верхней строке стояло: «Воспитанники Северной Академии драконов. Закрытый реестр».

Лиана задержала дыхание.

Имена были написаны в два столбца. Возраст. Род. Статус силы. Ограничения.

Амира Мор — крылья неустойчивы, знак рода затемнён.
Риан Таль — огонь выходит за клятвенный предел.
Нейла Вирс — слышит зов камня, не подчиняется старшим печатям.
Тарен Ольс — родовая тень проявляется без приказа.

Она читала, и с каждым именем внутри становилось тяжелее. Это были дети. Не чудовища, не ошибки, не пятна на родословных. Дети, которых записали строчками в закрытом

реестре и отправили подальше от парадных залов.

Внизу стояло ещё одно имя.

Эран Соль. Одиннадцать лет. Род не указан. Сила скрыта. Наблюдение постоянное.

Лиана уже хотела перелистнуть, но взгляд зацепился за маленький знак возле имени. Такой крошечный, что его легко было принять за соринку.

Три острых крыла над полукругом.

Герб Арденов.

Она видела его на груди Каэла. Видела на печати его перстня. Видела в чужой памяти на письмах, которые прежняя Лиана прижимала к сердцу.

Лиана медленно опустилась на стул.

Эран Соль.

Род не указан.

Сила скрыта.

Герб Арденов, спрятанный так небрежно, будто кто-то очень спешил его замазать.

За дверью послышались шаги. Страж сказал, что экипаж готов.

Лиана не ответила.

Она смотрела на имя мальчика и уже знала, почему Каэл так побледнел, когда услышал о Северной Академии.

Среди проклятых наследников был его сын.

Глава 2. Академия, где не ждут живых

Лиана успела спрятать список прежде, чем дверь открылась.

Пергамент лёг между листом обвинения и назначением, будто всегда был там, но имя внизу всё равно продолжало гореть перед глазами.

Эран Соль.

Род не указан.

Герб Арденов.

Она поднялась так резко, что стул скрипнул по каменному полу. Страж, вернувшийся за ней, посмотрел без особого интереса, но Лиана заметила, как его взгляд скользнул по папке. Не пытался отнять. Просто проверял, не оставила ли она что-то на столе.

Значит, документы ей действительно разрешили взять.

Или кто-то хотел, чтобы она их взяла.

Эта мысль была неприятной. Слишком многое за один день складывалось не в случайность, а в чью-то заранее приготовленную дорогу. Её привели в зал Совета. Обвинили. От неё отрёкся Каэл. Потом её не уничтожили окончательно, а отправили туда, где находился мальчик с тайным знаком Арденов.

Северная Академия драконов.

Лиана застегнула дорожный плащ, забрала ларец и папку, прижала их к себе и вышла за стражем в коридор. Пытаться задавать новые вопросы было бессмысленно. Те, кто выводил её из Совета, знали только приказ. А если знали больше, то всё равно не сказали бы женщине, которую только что объявили виновной.

У выхода её ждал закрытый экипаж.

Не карета — клетка на колёсах, только обитая изнутри тёмным бархатом. На дверце мерцал серебряный знак Совета, а по ободу колёс шли тонкие руны, похожие на цепи. Два крылатых коня, больше похожих на ожившие тени, били копытами по камню и не издавали ни звука.

Лиана остановилась на ступени.

На противоположной стороне двора стоял Каэл Арден.

Он не подходил. Не пытался задержать её. Не говорил с Советом. Просто стоял у колонны, словно был частью этого мрачного места, где всё решалось без права на ответ.

На мгновение их взгляды встретились.

Лиана не знала, что ждала увидеть. Раскаяние? Страх? Просьбу молчать? В нём было всё то же ледяное самообладание, но под ним теперь проступало другое — напряжение, которое мужчина не позволял себе показать в зале.

Он знал про Эрана.

Не мог не знать.

И всё равно позволил мальчику оставаться в закрытом ре-

естре под чужой фамилией.

Лиана сжала папку сильнее и отвернулась первой.

— Садитесь, леди Ровель, — сказал страж. — Дорога дальняя.

— До заката успеем?

— Совет умеет отправлять людей туда, куда считает нужным.

В этом ответе было слишком мало утешения и слишком много правды.

Дверца захлопнулась, руны на ней вспыхнули бледным светом, и двор Совета исчез за узким мутным стеклом. Экипаж тронулся почти без толчка. Каменные стены поплыли назад. Затем город — если это был город — сменился серыми улицами, высокими крышами, шпилями с драконьими флюгерами, мостами над глубокими провалами и башнями, на которых висели родовые знаки.

Лиана смотрела, пока глаза не начали слезиться от напряжения.

Мир за стеклом был чужим и невероятно живым. По небу, далеко над крышами, скользнули две огромные тени. Где-то внизу люди в плащах прижимались к стенам, пропуская экипаж Совета. На площади мальчик с золотой чешуйкой у виска поднял голову и показал на карету пальцем, но женщина рядом резко опустила его руку.

Здесь знали, кого везут под серебряной печатью.

Осуждённых.

Ненужных.

Опасных.

Лиана откинулась на спинку сиденья и снова раскрыла папку. Экипаж ехал быстро, но внутри почти не качало. Она перечитала обвинение ещё раз, уже спокойнее. Слова не стали яснее. «Неустановленная фраза», «нарушение линии», «повреждение родовых знаков». Слишком много тумана для приговора, вынесенного так уверенно.

Список воспитанников она достала последним.

И снова задержалась на имени Эрана.

Одиннадцать лет.

Род не указан.

Сила скрыта.

Наблюдение постоянное.

Почему Соль? Чужая фамилия? Временное имя? Или имя, которым удобнее прикрыть ребёнка, которого нельзя признать?

Лиана провела пальцем над крошечным гербом, не касаясь чернил. У знака была странная особенность: он проявлялся только под углом. Стоило повернуть лист, и три острых крыла исчезали, оставляя возле имени обычную точку.

Скрытая метка.

Не ошибка писаря.

Она задумалась так глубоко, что не сразу заметила, как город остался позади. За стеклом тянулись пустые равнины, потом тёмный лес, потом холмы, покрытые низким туманом.

Небо к вечеру сделалось стальным. Солнце опускалось за дальний хребет, и дорога всё чаще уходила вверх, в северные камни.

Холод пробирался даже сквозь стены экипажа.

Лиана укуталась в плащ и внезапно ощутила усталость так остро, что на миг закрыла глаза. Но стоило векам сомкнуться, как вспыхнули чужие обрывки: круг пробуждения, дети по краям, чёрный знак над головой девочки, рука на плече.

«Поздно, Лиана. Теперь виновной будешь ты».

Она резко открыла глаза.

Нет. Спать нельзя. Не сейчас.

Экипаж начал замедляться уже в сумерках.

Сначала Лиана увидела ворота.

Они выросли из тумана неожиданно, будто не стояли на дороге, а ждали за тонкой серой завесой. Две чёрные башни, соединённые железной аркой. На арке не было приветственной надписи, гербов родов, знаков школы или чего-то похожего на гордость. Только вырезанный в камне дракон, свернувшийся вокруг пустого круга.

Северная Академия драконов оказалась не величественной и не прекрасной.

Она была закрытой.

Высокие стены уходили вправо и влево так далеко, что терялись в тумане. Над ними поднимались башни разной высоты, узкие, мрачные, с редкими огнями в окнах. Некоторые окна были забраны решётками, но не железными — светя-

щими, словно их сплели из застывших клятв. В глубине двора чернел главный корпус, похожий не на учебное место, а на старый родовой замок, которому давно перестали доверять живых гостей.

У ворот стояли двое людей в серой форме.

Когда они увидели печать Совета, один из них перекрестил пальцы в странном жесте, будто отгонял беду.

Лиана заметила.

Её здесь не ждали.

Вернее, ждали, но не как наставницу. Как очередную ошибку Совета, которую привезли на север и скоро увезут обратно — если будет что увозить.

Дверца экипажа открылась сама. Холодный воздух ударил в лицо. Лиана спустилась на каменные плиты и на мгновение замерла, удерживая папку под плащом.

Ворота академии медленно раскрылись.

Ни скрипа, ни стука. Только глухое движение тёмного металла и ощущение, будто кто-то невидимый открыл пасть.

Во дворе было тихо.

Слишком тихо для места, где жили дети.

Под ногами лежал тонкий слой инея, хотя снега вокруг не было. На середине двора стоял высохший фонтан в виде драконьего крыла. Вдоль стен тянулись узкие дорожки, освещённые бледными шарами. У лестницы главного корпуса собрались несколько слуг и двое взрослых в тёмных преподавательских мантиях. Они смотрели на Лиану так, как

в Совете смотрели перед приговором: с заранее известным выводом.

Новая.

Осуждённая.

Не задержится.

— Леди Ровель? — спросил худой мужчина с длинным лицом и серебряной цепью управляющего на груди.

— Да.

— Я Мартен, распорядитель академии. Ваши вещи передадут в восточное крыло.

Он сказал это вежливо, но не подошёл ближе, чем требовалось. Его взгляд задержался на печати Совета на папке, потом на её лице. В глазах мелькнуло что-то похожее на усталую жалость.

— Ректор ждёт вас.

— Уже?

— Ректор всегда знает, когда Совет присылает новую наставницу.

Слово «новую» прозвучало так, что Лиана невольно спросила:

— А прежняя?

Мартен отвёл взгляд к фонтану.

— Здесь не принято обсуждать тех, кто уехал.

— Уехал?

Он помолчал.

— Или не смог остаться.

Из-за колонны у входа донёлся тихий смешок.

Лиана повернула голову.

На верхней площадке лестницы стояли четверо учеников. Не малыши, но и не взрослые. Старшему, рыжеволосому мальчишке с острыми скулами, могло быть лет четырнадцать. Рядом с ним — девочка с коротко стриженными светлыми волосами и слишком серьёзным взглядом. Ещё двое держались позади, будто пришли смотреть не на человека, а на редкого зверя за решёткой.

— Три дня, — сказал рыжий мальчик.

Не громко, но двор был тихим, и слова долетели отчётливо.

Девочка рядом толкнула его локтем.

— Риан.

— Что? — он не отвёл взгляда от Лианы. — Я просто спору. Она не похожа на тех, кто выдерживает четыре.

Мартен побледнел.

— Воспитанник Таль, немедленно вернитесь в северную галерею.

— А если нет?

Лиана ожидала, что взрослые вмешаются. Кто-то повысит голос, подойдёт, поставит мальчишку на место.

Никто не двинулся.

Только преподавательница у двери крепче сжала края мантии. Второй преподаватель посмотрел в сторону, как человек, который очень хочет не оказаться участником чужого

срыва.

Вот оно.

Не просто строгая академия. Место, где взрослые боялись детей почти так же сильно, как дети боялись самих себя.

Риан улыбнулся, и в этой улыбке не было веселья. На его пальцах вспыхнули крошечные искры. Они не сорвались, не ударили, но воздух возле лестницы дрогнул.

— Вам лучше не задерживаться, леди наставница, — сказал он. — Север не любит тех, кого присылают в наказание.

Лиана посмотрела на искры, потом на него.

— А ты любишь говорить за весь Север?

Улыбка мальчика погасла на долю мгновения.

Мартен тихо охнул, будто она наступила на запретную плиту.

— Обычно хватает, — ответил Риан.

— Тогда сегодня не хватило.

Искры на его пальцах вспыхнули ярче, но не сорвались. Девочка рядом быстро положила ладонь ему на запястье. Не удержала силой — напонила. Он резко отдернул руку и шагнул назад.

Лиана не стала продолжать.

Она не победила его. И не хотела. Это был не враг. Это был мальчик, который заранее кусался, потому что ждал удара первым.

— Мартен, — произнёс новый голос, и двор будто сразу стал меньше.

Все повернулись.

Мужчина вышел из тени главного входа так бесшумно, что Лиана не заметила, когда он там появился. Высокий, широкоплечий, в тёмном сюртуке без украшений. Волосы чёрные, с холодным стальным отливом. Лицо спокойное, жёсткое, слишком собранное, чтобы казаться приветливым. Но главное было не в этом.

От него исходило ощущение силы.

Не показной, не придворной, не той, что надевают вместе с гербом. Эта сила стояла вокруг него невидимой стеной, и даже Риан Таль, ещё секунду назад дерзкий до безрассудства, замолчал.

Даррен Вейр.

Лиана поняла это раньше, чем Мартен почтительно склонил голову.

— Ректор.

Даррен Вейр спустился на несколько ступеней и остановился. Его глаза были тёмными, почти чёрными, но при движении света в глубине мелькало серебро — не мягкое, лунное, а острое, как край клинка.

Он окинул Лиану взглядом.

Не грубо. Хуже.

Так смотрят на вещь, которую прислали в неподходящее место и теперь придётся куда-то деть.

— Лиана Ровель, — сказал он.

— Даррен Вейр, — ответила она.

Мартен едва заметно вздрогнул. Видимо, здесь от осуждённой ждали поклона, оправданий или хотя бы робкого «ректор».

Даррен не вздрогнул. Только серебро в его глазах стало ярче.

— Совет прислал вас быстро.

— Меня тоже не спросили, удобно ли мне ехать.

— Здесь редко спрашивают об удобстве.

— Я уже заметила.

Он смотрел на неё ещё несколько секунд. Лиана выдержала взгляд, хотя это оказалось сложнее, чем разговор с Советом. Там её судили люди, уверенные в своей власти. Даррен Вейр не судил. Он оценивал, сколько времени ей потребуется, чтобы сломаться.

И, кажется, заранее решил, что немного.

— Мартен, разместите леди Ровель в восточном крыле, — сказал он. — Правила выдайте под подпись. Внешний круг не пересекать. В западную башню не входить. К воспитанникам без моего разрешения не приближаться.

— Простите, — Лиана подняла голову, — я назначена наставницей.

— Вы назначены Советом.

— Разница?

— Совет отправляет сюда людей, чтобы закрыть свои ошибки. Я отвечаю за тех, кто остаётся после этих ошибок.

Слова ударили точнее, чем если бы он назвал её виновной.

Лиана могла бы промолчать. Было бы разумнее. Но за спиной всё ещё стояли дети, слуги, преподаватели, и если она сейчас позволит поставить себя в угол, завтра её будут обходить как пустое место.

— Тогда у нас похожая проблема, ректор. Меня тоже отправили сюда как чужую ошибку.

Мартен закрыл глаза.

Риан тихо присвистнул.

Даррен спустился ещё на одну ступень. Теперь между ними оставалось всего несколько шагов.

— В Северной Академии не играют в остроумие, леди Ровель.

— А во что здесь играют?

— В выживание.

Слово прозвучало без нажима, но в нём была такая усталость, что Лиана неожиданно поверила: он не пугал. Предупреждал.

— Тогда начнём честно, — сказала она. — Я не просила этой должности. Но раз уж я здесь, я хочу понимать, что мне запрещают и почему.

— Потому что наставницы здесь долго не задерживаются.

— Мне уже называли три дня.

Риан на лестнице фыркнул.

Даррен даже не посмотрел в его сторону.

— Три дня — щедрый прогноз.

Лиана почувствовала, как холод от каменных плит подни-

мается выше, к коленям. Она устала. Очень. Тело после суда и дороги казалось не своим не только из-за чужой судьбы, но и от предела сил. Ей хотелось тишины, закрытой двери и хотя бы нескольких минут, чтобы понять, как не сойти с ума.

Но вместо этого перед ней стоял мужчина, который ранее видел в ней помеху.

— Значит, постараюсь вас разочаровать, — сказала она.

Впервые на лице Даррена что-то изменилось. Не улыбка. Скорее едва заметная трещина в равнодушии.

— Посмотрим.

Он повернулся к ученикам.

— Северная галерея. Сейчас.

Риан хотел что-то сказать, но девочка опять коснулась его рукава. На этот раз он послушал. Все четверо исчезли за дверью бокового перехода. Только перед тем как уйти, светло-волосая девочка оглянулась на Лиану. В её взгляде не было враждебности. Только предупреждение.

Беги, пока можешь.

Лиана не побежала.

Её провели внутрь.

Академия изнутри оказалась ещё холоднее, чем снаружи. В высоком вестибюле горели синие светильники, отбрасывая на стены тени крыльев. Пол был выложен чёрным и серым камнем, и по нему шли тонкие серебряные линии. Они пересекались, расходились, поднимались на стены, исчезали под дверями. Не украшение. Круги. Печати. Ограничения.

Место было не просто закрыто от мира.

Оно было расчерчено изнутри.

Лиана шла за Мартеном и замечала всё: как слуги прижимались к стенам, когда в дальнем коридоре слышались детские шаги; как двери некоторых классов открывались только после прикосновения к каменной пластине; как над аркой западного перехода висел знак пустого круга — тот самый, что на воротах, только перечёркнутый тремя линиями.

— Западная башня? — спросила она.

Мартен ускорил шаг.

— Вам туда нельзя.

— Это я уже слышала.

— Тогда не спрашивайте.

Он сказал это без грубости. Почти с просьбой.

Лиана не стала давить. Пока.

Её комната находилась в восточном крыле, на втором этаже. Небольшая, узкая, с высоким окном, столом, шкафом и кроватью под тёмным покрывалом. На стене висела пустая рама, будто из неё вынули портрет. В камине лежали чёрные поленья, но огня не было.

— Ужин принесут, если кухня успеет, — сказал Мартен, ставя ларец у стены. — Правила академии.

Он положил на стол тонкую книжицу в серой обложке.

Лиана открыла первую страницу.

«Наставник обязан соблюдать тишину после третьего вечернего звона. Наставник не имеет права оставлять крыло

без вызова ректора. Наставник не имеет права прикасаться к воспитаннику во время проявления силы. Наставник не имеет права задавать вопросы о родовом происхождении воспитанников без письменного разрешения ректора. Наставник не имеет права...»

Страницы шли дальше.

Запрет. Запрет. Запрет.

— Здесь вообще что-нибудь разрешено? — спросила Лиана.

Мартен посмотрел на неё с неожиданной серьёзностью.

— Дожить до утра.

И ушёл, закрыв дверь.

Лиана осталась одна.

Тишина комнаты давила иначе, чем тишина Совета. Там за ней следили. Здесь будто забыли, но так, чтобы она сама начала прислушиваться к каждому шороху.

Она сняла плащ, положила папку на стол и подошла к окну.

Из него был виден внутренний двор. Сверху академия казалась лабиринтом: переходы, галереи, узкие башни, крытые лестницы, чёрные крыши. В нескольких окнах мелькали тени. Где-то далеко прозвучал детский смех — короткий, оборванный. Потом резкий стук, будто закрыли дверь.

Лиана медленно выдохнула.

Она не знала этот мир.

Не знала правил.

Не знала, кому можно доверять.

Но теперь знала одно: дети в этой академии были не страшной легендой из шёпота Совета. Они были здесь. Живые. Настороженные. Загнанные в стены, где взрослые говорили о выживании так спокойно, словно давно забыли другие слова.

Она снова раскрыла список.

Амира Мор.

Риан Таль.

Нейла Вирс.

Тарен Ольс.

Эран Соль.

Сколько их всего? Почему в списке только часть? Где остальные? Почему герб Арденов спрятан, а не убран полностью? Кто должен был увидеть эту метку?

Вопросы цеплялись один за другой, но усталость наконец взяла своё. Лиана присела на край кровати, собираясь только на минуту закрыть глаза.

Она не заметила, как задремала.

Разбудил её не звон.

Сначала ей показалось, что кто-то плачет.

Тихо, далеко, будто за несколькими стенами. Потом плач сменился низким гулом. Камень под ногами едва заметно дрогнул. За окном вспыхнул свет — не жёлтый, не красный, а чёрно-синий, похожий на пламя, которое пожирало не дерево, а сам воздух.

Лиана вскочила.

Во внутреннем дворе уже метались люди. Кто-то бежал с фонарём. Кто-то кричал, но слова разбивались о стекло. На восточной стороне, в одной из узких башен, полыхало драконье пламя.

Чёрное.

Такое же, как в обрывке памяти над головой девочки из круга пробуждения.

Лиана распахнула дверь.

В коридоре никого не было. Только синие светильники мигали, а серебряные линии на полу светились резче, чем днём. Она бросилась к лестнице, но на повороте столкнулась с Мартеном.

Он был без цепи управляющего, в наспех наброшенном сюртуке.

— Назад, леди Ровель!

— Там кто-то есть?

— Назад!

Ответ был слишком быстрым.

Лиана посмотрела ему за плечо. Внизу, у выхода во двор, двое слуг держали дверь, но не решались открыть. За стеклянной вставкой плясал чёрный отблеск.

— В башне ребёнок? — спросила она.

Мартен сжал губы.

— Ректор уже вызван.

— Это не ответ.

— Вы не понимаете. Во время проявления силы к воспитанникам нельзя приближаться.

— А если она не выйдет сама?

Он отвернулся.

Этого хватило.

Лиана обошла его, но Мартен схватил её за рукав.

— Леди Ровель, вы подписали правила!

— Я ещё ничего не подписала.

Она вырвала руку и побежала вниз.

За дверью двор оказался полон холода и чёрного света. Пламя рвалось из окон восточной башни, но странно — не распространялось на крышу и не падало вниз. Оно билось внутри камня, как пойманное крыло. Возле входа стояли двое преподавателей и трое слуг. Все говорили сразу, но никто не входил.

— Где ректор? — крикнул кто-то.

— В северном круге!

— Печать башни не пускает!

— Она опять закрылась изнутри!

Лиана не стала ждать, пока её заметят.

Главный вход в башню был перекрыт светящимися линиями, но с боковой стороны она увидела узкую дверь, почти скрытую между контрфорсами. Возле неё не было людей. Только каменная пластина на уровне ладони и знак пустого круга.

Западная башня была запрещена. Эта — восточная. Но

знак на двери был похож.

Лиана коснулась пластины.

Серебряные линии вспыхнули, обожгли холодом, но не оттолкнули. На ладони проступили бледные следы прежних клятв — те самые, что она заметила ещё в зале Совета. Они ответили двери слабым мерцанием.

Замок щёлкнул.

Лиана не успела удивиться. Она толкнула дверь и вошла.

Внутри башни было темно и жарко, но жар не касался кожи. Он давил на грудь, мешал дышать, шептал чужими головами. Узкая лестница уходила вверх. По стенам ползли тени, похожие на крылья.

Сверху донёсся всхлип.

Детский.

— Эй! — позвала Лиана, стараясь, чтобы голос не дрожал.
— Ты меня слышишь?

Пламя ответило резким всплеском. По ступеням прокатилась чёрная искра, ударила в стену и рассыпалась.

Лиана остановилась.

Она не умела управлять магией. Не знала заклинаний. Не знала, что можно делать, а что нельзя. Но в правилах академии было одно: не прикасаться к воспитаннику во время проявления силы.

Правило могло быть разумным.

А могло быть клеткой, из-за которой все стояли во дворе и ждали, чем закончится ночь.

— Я не буду трогать тебя, если ты не захочешь, — сказала она громче. — Но я поднимусь. Хорошо?

Ответа не было.

Только новый всхлип.

Лиана пошла вверх.

На площадке третьего этажа она увидела девочку.

Та сидела у стены, обхватив колени руками. Маленькая, худая, в тёмной ученической форме. За её спиной дрожали крылья — не призрачные, как в памяти Лианы, а настоящие. Чёрные, тонкие, слишком большие для детского тела, с прожилками синего огня. Одно крыло было прижато к стене, другое судорожно раскрывалось и складывалось, задевая камень.

Амира Мор.

Лиана узнала её сразу.

Не по списку. По лицу из чужого обрывка памяти: тёмные ресницы, упрямый подбородок, страх, который девочка пыталась спрятать даже сейчас.

— Не подходите, — прошептала Амира.

Голос был хриплым от слёз и упрямства.

— Хорошо. Я остановилась.

Лиана действительно остановилась в нескольких шагах.

Пламя ходило вокруг девочки неровным кругом. Не нападало, но и не выпускало. На камне под её ладонями светились чёрные знаки, похожие на трещины.

— Они сказали не подходить, — прошептала Амира. —

Если подойдут, станет хуже.

— Кто сказал?

Девочка мотнула головой.

— Все.

Лиана медленно опустилась на ступень, чтобы не нависать над ней.

— Тогда я просто посижу здесь.

Амира подняла на неё испуганный взгляд.

— Вы новая?

— Да.

— Вы глупая?

В другой момент Лиана, наверное, рассмеялась бы. Сейчас только выдохнула.

— Возможно. Я ещё не решила.

Девочка моргнула. Пламя на мгновение стало ниже.

— Новые всегда убегают.

— Я сегодня уже ехала очень долго. Бегать ночью было бы невежливо.

Амира смотрела на неё, будто пыталась понять, шутят с ней или нет. Крыло за её спиной дрогнуло и снова ударило по стене. Девочка стиснула зубы, пытаясь удержать его, и пламя тут же взметнулось выше.

— Не заставляй себя, — тихо сказала Лиана.

— Я должна.

— Кому?

— Всем.

Ответ был таким взрослым и таким детским одновременно, что у Лианы сжалось горло.

Снизу донёлся грохот. Кто-то пытался открыть главный вход. Пламя взвилось до потолка, Амира вскрикнула и закрыла голову руками.

— Не надо! — крикнула она. — Не надо сюда!

Лиана резко повернулась к лестнице.

— Не входите! — крикнула она вниз, сама не зная, услышат ли. — Она пугается!

Шаги внизу замерли.

На мгновение стало тихо.

Потом раздался голос Даррена Вейра:

— Лиана Ровель.

В этих двух словах было столько ярости, что даже пламя будто прислушалось.

— Я здесь, — отозвалась она.

— Выйдите из башни.

— Не сейчас.

Снизу повисла пауза.

— Это приказ.

Лиана посмотрела на Амиру. Девочка сидела с закрытыми глазами, дрожа всем телом, а чёрные крылья то расправлялись, то снова ломко складывались за её спиной.

— Тогда плохой приказ, — сказала Лиана.

Мартен внизу издал какой-то сдавленный звук.

Даррен не ответил сразу. А когда заговорил, голос стал

ниже.

— Вы не знаете, с чем имеете дело.

— Зато вижу, с кем.

Амира медленно открыла глаза.

И Лиана поняла, что сказала правильно.

Не «что». Не «проявление». Не «опасность». Не «проклятие».

С кем.

Девочка смотрела на неё так, будто давно не слышала, чтобы о ней говорили как о человеке, а не как о беде.

Пламя вокруг стало тише.

— Амира, — сказала Лиана осторожно. — Я могу подать тебе плащ. Не прикоснусь к тебе. Просто положу рядом. Ты сама решишь, брать или нет.

— Он сгорит.

— Проверим?

— Вы боитесь.

— Да.

Девочка замерла.

Лиана сама удивилась, как легко сказала правду.

— Боюсь, — повторила она. — Я сегодня много чего боюсь. Но это не значит, что я оставлю тебя одну.

Амира смотрела недоверчиво. Потом медленно кивнула.

Лиана сняла плащ и осторожно протянула, не заходя за линию пламени. Чёрный огонь лизнул ткань, но не уничтожил. Только по краю пробежала синяя искра и погасла. Де-

вочка дрожащими пальцами ухватила за край, подтянула плащ к себе и прижала к груди.

Крылья за её спиной немного опустились.

— Я не могу выйти, — прошептала Амира. — Они увидят.

— Крылья?

Девочка кивнула.

— Они всегда смотрят.

Лиана не стала говорить, что крылья красивые. Это прозвучало бы глупо и фальшиво. Красота не отменяла страха. И не отменяла того, что ребёнок сидел ночью в башне, окружённый собственной силой, потому что боялся чужих глаз больше огня.

— Тогда выйдем так, чтобы сначала видела только я, — сказала Лиана. — А потом ректор. Он и так всё время делает вид, что ничего его не удивляет.

Амира неожиданно всхлипнула почти смешком.

Снизу послышалось резкое:

— Леди Ровель, отойдите от воспитанницы.

Даррен поднялся уже ближе. Лиана не видела его за поворотом лестницы, но голос звучал совсем рядом.

Амира снова напряглась, и пламя дрогнуло.

Лиана подняла руку, хотя ректор не мог её видеть.

— Даррен Вейр, если вы сейчас шагнёте резко, она снова закроется.

— Вы разговариваете со мной так, будто понимаете про-

исходящее.

— Нет. Я разговариваю так, будто вижу перепуганного ребёнка.

Он всё-таки появился на лестнице.

На лице Даррена не было прежнего холодного равнодушия. Только собранность, за которой держалась тревога. Он остановился сразу, как увидел Амиру, и Лиана отметила: не потому, что испугался. Потому что понял, какой шаг станет лишним.

— Амира, — сказал он. Совсем другим голосом. Ниже. Мягче, хотя мягкость давалась ему трудно. — Посмотри на меня.

Девочка сильнее вцепилась в плащ Лианы.

— Я не хотела.

— Знаю.

— Они скажут Совету.

— Не скажут.

— Всегда говорят.

Даррен ничего не ответил.

И это молчание было плохим. Не потому, что он не хотел утешить, а потому что не мог пообещать честно.

Лиана посмотрела на него и впервые увидела не только жёсткого ректора. Увидела человека, который слишком хорошо знал правила этого места и ненавидел их меньше, чем боялся последствий.

Но сейчас ей было не до него.

— Амира, — сказала она, — ты можешь встать?

Девочка попробовала. Крылья дрогнули, пламя поднялось стеной. Лиана отступила на полшага, но не отвернулась.

— Не получается.

— Получится не сразу. Давай медленно. Сначала одно колено. Потом рука на стену. Я рядом. Ректор тоже.

Даррен бросил на неё взгляд, но промолчал.

Амира поднялась не с первого раза. И не со второго. Каждый раз пламя вспыхивало, она замирала, снова садилась. Лиана говорила с ней. Не умные слова. Не наставления. Просто считала шаги, называла дыхание, напоминала, что башня стоит, что дверь открыта, что никто не тянет её силой.

Наконец девочка встала.

Крылья раскрылись полностью.

Чёрные, тонкие, мерцающие синим по краям.

Снизу кто-то ахнул. Амира услышала и зажмурилась.

Лиана быстро шагнула так, чтобы закрыть её собой хотя бы частично.

— Не смотрите, если не умеете смотреть спокойно! — крикнула она вниз.

Даррен медленно повернул голову к лестнице.

Внизу сразу стало тихо.

— Идём, — сказала Лиана девочке уже тише. — Не быстро.

— Вы упадёте, если я сорвусь.

— Тогда постарайся не сорваться. Мне этот день и так не

понравился.

Амира снова издала тот странный звук, похожий на испуганный смешок.

Они спускались долго.

Лиана шла первой, не касаясь девочки, но держась достаточно близко, чтобы Амира видела перед собой не пустую лестницу, а живого человека. Даррен шёл на несколько ступеней ниже и назад, перекрывая путь пламени, если оно вдруг рванёт вниз. Он не говорил ни слова, но от его присутствия башня будто становилась устойчивее.

Когда они вышли во двор, чёрное пламя в окнах погасло.

Слуги и преподаватели стояли полукругом. Риан Таль тоже был здесь — босой, в накинутаой на плечи куртке, с лицом белым от напряжения. Рядом с ним светловолосая девочка прижимала руки к груди. Все смотрели на Амиру.

Слишком пристально.

Лиана почувствовала, как девочка за её спиной снова замирает.

Тогда она сделала единственное, что пришло в голову: развернулась, сняла с плеч Амиры плащ и накинула его так, чтобы ткань свободно прикрыла крылья, не прижимая их.

— Вот теперь, — сказала она достаточно громко, — ей нужен не ваш страх, а дорога в комнату.

Никто не двинулся.

Даррен вышел из башни последним.

— Мартен, проводите воспитанницу Мор в южное крыло.

Риан, Нейла — по комнатам. Остальные тоже.

Все сразу зашевелились.

Амира перед тем, как уйти, оглянулась на Лиану. В её взгляде всё ещё был страх, но теперь в нём появилось что-то новое. Осторожное, слабое, почти невозможное в этих стенах.

Доверие? Нет. До доверия было далеко.

Но девочка хотя бы перестала смотреть на неё как на очередную взрослую, которая бросит при первом крике.

Когда двор опустел, холод стал заметнее.

Лиана вдруг поняла, что стоит без плаща, в тонком платье после долгой дороги, и пальцы у неё дрожат. Не от героизма. От страха, который наконец догнал.

Даррен подошёл ближе.

— Вы нарушили три правила за первую ночь.

— Я не подписывала правила.

— Это не спасёт вас от последствий.

— А её спасло бы моё послушание?

Он замолчал.

Синие светильники вдоль двора мерцали, отражаясь в его глазах. Вблизи Даррен казался ещё опаснее, но уже не таким каменным. На скуле у него тенью лежала усталость, а на пальцах правой руки проступали серебряные линии, будто он удерживал какую-то силу до боли крепко.

— Вы могли погибнуть, — сказал он.

— Мне сегодня уже объяснили, что я попала в место, где

это никого не удивит.

— Если вы думаете, что один удачный поступок делает вас наставницей, вы ошибаетесь.

— Я не думаю.

— Хорошо.

— Но если вы думаете, что страх детей можно удерживать правилами, вы тоже ошибаетесь.

Даррен смотрел на неё долго.

На этот раз в его взгляде было не презрение. И не доверие. Что-то между раздражением и вниманием. Опасное сочетание, от которого Лиане стало неудобно.

— Завтра утром, — сказал он наконец, — вы придёте в мой кабинет. Мы обсудим, почему в этой академии не входят в горящую башню без разрешения.

— А вы обсудите со мной, почему ребёнок оказался там один?

Его лицо снова закрылось.

— Доброй ночи, леди Ровель.

Он повернулся, давая понять, что разговор окончен.

Лиана могла бы оставить последнее слово за ним. В конце концов, она действительно едва держалась на ногах.

Но перед глазами снова возникла Амира, сидящая у стены в круге чёрного пламени.

— Ректор.

Даррен остановился, не оборачиваясь.

— В Совете сказали, что наследница дома Мор до сих пор

не может принять драконью форму.

Теперь он обернулся.

Медленно.

Лиана встретила его взгляд и тихо сказала:

— Они ошиблись. Она уже приняла её. Просто все слишком боялись смотреть.

На лице Даррена не дрогнул ни один мускул.

Но серебро в его глазах вспыхнуло так ярко, что на мгновение Лиане показалось: за его спиной расправилась тень огромных крыльев.

— В этой академии, леди Ровель, — произнёс он негромко, — опаснее всего не то, что видят.

Он сделал шаг ближе.

— А то, что начинают понимать слишком рано.

И ушёл, оставив её одну посреди двора, где в окне погасшей башни на мгновение снова мелькнул чёрный знак — тот самый, чужой и неживой, который Лиана уже видела в обрывке памяти над головой Амиры Мор.

Глава 3. Девочка с чёрными крыльями

Чёрный знак исчез так быстро, что Лиана успела усомниться, был ли он на самом деле.

Окно погасшей башни снова стало обычным тёмным прямоугольником. Ни пламени, ни синего отблеска, ни чужого неживого узора, похожего на клеймо, выжженное не на камне, а прямо в воздухе. Только ночь, мокрый холод двора и далёкие шаги Даррена Вейра, уходящего к главному корпусу.

Лиана осталась стоять на месте ещё несколько мгновений.

Она слишком устала, чтобы броситься следом и требовать объяснений. Слишком продрогла, чтобы продолжать спорить. И слишком хорошо уже понимала: в этой академии на прямой вопрос отвечали либо запретом, либо молчанием.

Значит, надо было смотреть.

Запоминать.

Складывать.

Она медленно подняла глаза к башне. Камень там, где недавно плясало чёрное пламя, не почернел. Окно не треснуло. Даже деревянные ставни, если это были ставни, остались целы. Огонь Амиры не сжигал стены. Он пугал, душил, закрывал, но не разрушал.

Странное пламя.

Слишком похожее на клетку.

— Леди Ровель.

Лиана обернулась. У входа стоял Мартен. Его волосы выбились из аккуратной причёски, на плечи был наброшен тёмный плащ, но лицо оставалось таким же вытянутым и усталым, как при первой встрече.

— Вам следует вернуться в комнату, — сказал он.

Не приказал. Попросил. Но в голосе звучала тревога человека, который не желал начинать знакомство с новой наставницей с её исчезновения посреди ночи.

— Амира в безопасности?

Мартен помедлил.

— Она в своём крыле.

— Это не одно и то же.

Он посмотрел на неё почти с укором.

— В Северной Академии очень многое не одно и то же, леди Ровель. Но иногда мы довольствуемся тем, что возможно.

Лиана хотела ответить резко, но промолчала. Не из покорности. Просто Мартен не был её врагом. Он был частью этих стен, частью их страха, частью привычки доживать до утра, о которой сам сказал совсем недавно.

Она пошла за ним к восточному крылу.

Внутри академии после ночного происшествия стало ещё тише. Синие светильники горели ровно, будто ничего не слу-

чилось. Серебряные линии на полу больше не сияли так резко, но Лиана всё равно замечала, как они уходят под двери, обвивают лестничные пролёты, разделяют коридоры на невидимые участки.

Не школа.

Не дом.

Разделённая на клетки крепость.

У своей двери она остановилась и оглянулась.

— Мартен, почему никто не вошёл за Амирой до меня?

Распорядитель не отвёл взгляда, но его пальцы сжались на краю плаща.

— Потому что несколько лет назад один человек вошёл слишком рано.

— И?

— После этого правило стало правилом.

— Человек погиб?

Мартен закрыл глаза на одно короткое мгновение.

— Не только он.

Это было всё, что он сказал.

Лиана не стала добиваться большего. Пока. Но когда дверь за ней закрылась, слова остались в комнате, тяжёлые, как камни.

Не только он.

Она прислонилась спиной к двери и вдруг почувствовала, как дрожит. Не красиво, не героически — мелко, от холода, усталости и запоздалого страха. В башне она держалась, по-

тому что рядом была Амира. Во дворе спорила, потому что иначе нельзя было. Теперь же никого не осталось, и тело наконец напомнило, что этот день начался чужим судом, продолжился дорогой в ссылку и закончился чёрным пламенем.

Но лечь она всё равно не смогла.

Папка лежала на столе.

Лиана зажгла настольный светильник, не сразу поняв, как это делается. Стоило коснуться каменного основания, как внутри матового шара поднялся синий огонёк. Не живой огонь, спокойное сияние. Она села, раскрыла документы и разложила их перед собой.

Обвинение.

Назначение.

Схема круга.

Закрытый реестр.

Сначала она снова посмотрела на имя Амиры.

«Амира Мор — крылья неустойчивы, знак рода затемнён».

Затем — на схему обряда пробуждения. Пять детских знаков по краям, центральная линия наставника, соскобленный участок возле одной из связей. Лиана провела пальцем рядом, не касаясь чернил. Её знания об этом мире были обрывочными, но прежняя Лиана Ровель всё-таки что-то знала. Наставница. Младшая, но наставница. В её памяти хранились не целые объяснения, а движения, ощущения, привычки.

Круг пробуждения не должен был замыкать детей.
Он должен был поддерживать.

Клятва наставника не подавляла силу наследника, а направляла первый отклик рода. Как рука у края пропасти: не тянет назад, не толкает вперёд, просто не даёт сорваться.

Но на схеме одна линия была нарушена.

А в башне, вокруг Амиры, пламя не выпускало девочку из круга.

Лиана замерла.

Это ещё ничего не доказывало.

Похожесть не была доказательством. Усталость могла подсунуть любой вывод. Страх — тем более. Но чёрный знак в окне, чужой узор над головой девочки в воспоминании и соскобленная линия на схеме были слишком близко друг к другу, чтобы их забыть.

Она достала правила академии.

Первая страница. Вторая. Третья.

«Наставник не имеет права прикасаться к воспитаннику во время проявления силы».

«Наставник не имеет права обсуждать родовой знак воспитанника без разрешения ректора».

«Наставник не имеет права присутствовать при проверке крыльев наследников древних домов».

Проверке крыльев.

Лиана перечитала строку дважды.

Амире запрещали показывать крылья? Или наоборот —

заставляли показывать их не тем, кому она доверяла?

Светильник дрогнул.

За стеной послышался тихий стук. Один. Второй. Потом шаги. Детские или очень лёгкие взрослые — Лиана не разобрала. Она подошла к двери, но коридор, когда она осторожно выглянула, был пуст.

Только на полу, у самого порога, лежал край чёрной ткани.

Её плащ.

Тот самый, которым она укрыла Амиру.

Лиана подняла его. Ткань была холодной и влажной от ночного тумана, но не повреждённой. По краю, где чёрное пламя коснулось её в башне, тянулась тонкая синеватая нить. Не прожжённая. Вышитая огнём. Она исчезала, стоило смотреть прямо, и проявлялась, если повернуть ткань к свету.

Как скрытый герб Арденов возле имени Эрана.

Лиана медленно закрыла дверь.

Спать после этого было трудно.

Но сон всё равно пришёл — неровный, тревожный, с обрывками голосов и крыльев. Ей снился зал Совета, только вместо седого дракона за столом сидела маленькая Амира и повторяла: «Я должна. Всем должна». Потом чёрный знак распался на пять линий, одна из них потянулась к Лиане, а в темноте снова прозвучал шёпот: «Поздно. Теперь виновной будешь ты».

Она проснулась от первого звонка.

Утро в Северной Академии было серым. За окном не было солнца — только туман, каменные крыши и мокрый двор. Ночная башня стояла тихо, как будто никогда не полыхала чёрным пламенем. Внизу двое слуг молча смывали с плит тонкий слой инея, хотя он снова ложился за их спинами.

На столе стоял поднос с хлебом, сыром и горячим напитком в тяжёлой чашке. Когда его принесли, Лиана не слышала.

Рядом лежала записка.

«К ректору. После второго звонка. Мартен».

Никакого «пожалуйста». Никаких объяснений.

Лиана умылась ледяной водой из кувшина, привела в порядок волосы и надела самое строгое платье из ларца, который ей выдали в Совете. Оно оказалось тёмно-синим, почти чёрным, с высоким воротом и узкими рукавами. Одежда прежней Лианы Ровель. Чужая, как и тело. Но в зеркале женщина выглядела собранной, а это сейчас было полезнее любой правды.

Перед выходом она спрятала список воспитанников внутрь папки, а плащ сложила так, чтобы синеватая нить по краю оказалась видна только ей.

Мартен ждал у лестницы.

— Ректор не любит опозданий, — сказал он вместо приветствия.

— Тогда нам обоим повезло, что я вышла вовремя.

Он посмотрел на неё, будто пытался понять, не шутит ли

она, потом устало вздохнул.

— Прошу.

Утром академия жила, но осторожно. Где-то за закрытой дверью звучали голоса учеников, ровно повторявших слова клятвы. В другом коридоре старшая преподавательница ставила на пол деревянные таблички с рунами, а трое младших воспитанников проходили между ними, не поднимая глаз. При появлении Лианы один мальчик споткнулся, и табличка рядом вспыхнула. Преподавательница резко вскинула руку, но Лиана заметила, что мальчик испугался не вспышки.

Он испугался руки.

И от этого табличка вспыхнула ещё ярче.

Лиана остановилась, но Мартен тихо сказал:

— Не надо.

— Что не надо?

— Начинать утро со второго нарушения.

— Он боится.

— Здесь все чего-нибудь боятся.

— Это не ответ.

— Это объяснение, леди Ровель. Иногда единственное, которое у нас есть.

Она посмотрела на мальчика ещё раз, но он уже прошёл дальше, не оглядываясь.

Кабинет ректора находился в северной части главного корпуса. Дверь была тёмной, без украшений, только на уровне ладони сияла серебряная пластина. Мартен коснулся её

двумя пальцами.

— Леди Ровель, ректор.

— Пусть войдёт, — донеслось изнутри.

Мартен отступил.

Лиана вошла.

Кабинет Даррена Вейра оказался совсем не таким, как она ожидала. Не роскошным, не грозным, не похожим на место властного дракона, любящего подавлять видом. Просторная комната с высоким окном, камин с ровным синим пламенем, большой стол, несколько шкафов с папками и картами. На стене висела схема академии: башни, переходы, дворы, круги, запретные зоны. Некоторые участки были отмечены чёрными булавками.

Слишком много чёрных булавок.

Даррен стоял у окна. В утреннем свете он казался ещё строже, чем ночью. На нём был тот же тёмный сюртук, но теперь Лиана заметила на его воротнике маленький знак: серебряное крыло, перечёркнутое тонкой линией. Не украшение. Должность? Клятва? Память?

— Садитесь, — сказал он.

— Благодарю, я постою.

Он медленно повернулся.

— В моей академии приказы ректора выполняются.

— А в моей жизни за последние сутки слишком много приказов, от которых потом детям становится хуже.

Серебро в его глазах едва заметно вспыхнуло.

— Вы пришли сюда спорить?

— Я пришла понять, почему меня вызвали.

— Потому что вы вчера вошли в башню во время неконтролируемого проявления силы воспитанницы древнего рода. Потому что вы вмешались в протокол изоляции. Потому что вы спорили с распоряжениями при свидетелях. Потому что вы не представляете, какую опасность создали.

— Для кого?

— Для всех.

— А для Амиры?

Даррен ничего не ответил сразу. Он прошёл к столу, взял тонкую папку и бросил её перед Лианой. Не грубо, но достаточно резко, чтобы бумаги внутри шевельнулись.

— Наследница дома Мор. Двенадцать лет. Последняя девочка прямой ветви. Её родовая сила проявилась с искажением три года назад. С тех пор каждое раскрытие крыльев сопровождалось чёрным пламенем, замыканием пространства и угрозой для тех, кто находился рядом.

Лиана опустила взгляд на папку, но не открыла.

— Вы говорите так, будто читаете обвинение.

— Я говорю так, чтобы вы поняли: это не ребёнок, который испугался темноты.

— Я и не считала её такой.

— Тогда перестаньте вести себя так, будто достаточно доброго слова, чтобы отменить древнее повреждение силы.

Лиана медленно подняла голову.

— А вы перестаньте вести себя так, будто страх — единственное, что удерживает её живой.

Даррен положил ладони на стол и наклонился вперёд. В движении не было угрозы, но воздух между ними стал плотнее.

— Я удерживаю живыми всех учеников этой академии.

— Запретами.

— Да.

— Молчанием.

— Если нужно.

— И тем, что взрослые стоят во дворе и ждут, пока ребёнок сам справится с огнём?

Он выпрямился.

— Вы не знаете, что было до вашего появления.

— Тогда расскажите.

— Нет.

Слово упало между ними, как закрытая дверь.

Лиана сжала пальцы на краю папки. Она ожидала уклончивости, раздражения, даже холода. Но это «нет» было другим. Не пустой властью. Запретом, за которым стояло что-то тяжёлое и давнее.

— Почему?

— Потому что вы здесь меньше суток.

— А Амира здесь не меньше суток.

— Именно поэтому я не позволю вам делать из неё доказательство своей правоты.

Это задело.

Лиана шагнула ближе к столу.

— Я не использую её.

— Пока нет.

— Вы вообще допускаете, что кто-то может увидеть в этих детях не угрозу?

— Я каждый день вижу в них детей, леди Ровель. Именно поэтому вы сейчас стоите здесь, а не в закрытом экипаже обратно к Совету.

— Совет бы обрадовался.

— Совет обрадовался бы вашему провалу. Не вашему возвращению.

Лиана замолчала.

Даррен сказал это слишком уверенно.

— Вы знаете, зачем меня отправили?

— Совет редко делает что-то по одной причине.

— Удобный ответ.

— Правдивый.

Он обошёл стол, подошёл к шкафу и достал плоскую деревянную шкатулку. На крышке был выжжен знак дома Мор: расправленное крыло над полумесяцем. Красивый знак. Гордый. Совсем не похожий на пустой круг, который Лиана видела на воротах и в башне.

Даррен открыл шкатулку и вынул тонкую пластину из тёмного стекла.

— Вчера вы сказали, что Амира уже приняла драконью

форму.

— Потому что видела её крылья.

— Крылья — не вся форма. Но вы правы в одном: Совет предпочитает считать, что их нет.

— Почему?

Он положил пластину на стол.

— Потому что крылья наследницы Мор покрыты знаками, которых не должно быть у её рода.

Лиана всё-таки открыла папку.

Внутри были не сухие отчёты, а рисунки. Несколько точных зарисовок крыла: линии, изгибы, тонкие перепонки, тёмные отметины, похожие на трещины. На первый взгляд — хаос. Но чем дольше Лиана смотрела, тем яснее становилось: отметины повторялись. Не полностью, не грубо, но с холодной правильностью. Одна у основания крыла. Другая ближе к верхнему суставу. Третья — по краю, где у живой ткани должна была идти свободная линия силы.

Это не походило на природное проявление.

Это походило на удерживающую печать.

Лиана не сказала этого сразу.

Она не имела права бросаться словами, которые могли навредить девочке. Вместо этого придвинула рисунок ближе и сравнила с тем, что помнила: чёрный знак в окне, узор в обрывке памяти, соскобленная линия на схеме Совета.

— Кто делал эти зарисовки?

— Я.

Ответ удивил её сильнее, чем должен был.

— Вы?

— В этой академии мало желающих смотреть на крылья Амиры спокойно.

Лиана подняла взгляд. Даррен говорил ровно, но в этом признании было больше, чем в длинной исповеди. Он смотрел. Он не отворачивался. Значит, девочка была не совсем одна.

Но почему тогда так боялась?

— Она знает, что вы их рисовали?

— Да.

— Она согласилась?

— Не сразу.

Лиана снова посмотрела на зарисовки.

— Эти знаки меняются?

Даррен прищурился.

— Почему вы спрашиваете?

— Потому что они не похожи на пятна или следы силы, которая выходит как попало. Они расположены слишком... удобно.

— Удобно для чего?

— Чтобы удерживать крыло раскрытым не полностью. Или, наоборот, заставлять его раскрываться в нужный момент.

Он резко закрыл шкатулку.

Звук вышел негромким, но Лиана всё равно вздрогнула.

— Вы повторите это кому-нибудь ещё — и Совет заберёт Амиру из академии.

— За что?

— За то, что кто-то начнёт задавать вопросы, на которые древние дома не любят отвечать.

— То есть вы тоже видите?

— Я вижу, что наследница Мор опасна во время проявления силы.

— Нет, ректор. Вы видите больше.

Даррен обошёл стол и остановился напротив неё. Теперь между ними оставалось так мало места, что Лиана почувствовала холод, исходящий от его силы. Не от тела — от внутренней собранности, от дракона, которого он держал под человеческой кожей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.